

ЦЕННОСТИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА¹

Доброе утро, коллеги! Александр Сергеевич, Вы не только указали место, с которого выступающему следует говорить, но и предмет, о котором ему надо говорить. Наша тема обозначена: «Ценности как философская проблема». Вы уже дали некоторое представление об этом предмете. Почему бы его не считать философским?! Это одна из версий философского понимания ценностей. Вы предложили, я бы сказал, даже новое толкование слова «ценности», соотнесли его с центром: ценности – центр.

А еще Вы связали ценности со способностью осуществлять выбор в жизни. Согласен и с тем, и с другим. Это и центр, основной вектор нашей деятельности, и как понятие оно прямо связано с нашей способностью осуществлять выбор. Я бы только добавил, что это не сам выбор, а основание, опираясь на которое, мы осуществляем выбор. Это не непосредственный выбор между разными задачами, путями, возможностями, а тот исходный пункт, некое абсолютное, если хотите, начало, отталкиваясь от которого, мы совершаем этот выбор.

Когда я готовился к сегодняшнему разговору и задумался, что же такое ценности; невольно пришли в голову строчки Лермонтова: «Есть речи – значенье / Темно иль ничтожно, / Но им без волненья / Внимать невозможно». Речи о ценностях являются именно таковыми. И непонятными, загадочными и в то же время страстными, вызывающими волнение.

I

Предлагаю начать наш разговор с определения ценностей, которое дано в «Новой философской энциклопедии» и в известном смысле фиксирует таинственную привлекательность самого предмета. Цитирую (с небольшим сокращением): **«Ценность** – одна из основных понятийных универсалий

---

¹ Выступление директора Института философии РАН, академика РАН, доктора философских наук, профессора, Почетного доктора СПбГУП А. А. Гусейнова на научной дискуссии 29 марта 2025 года (Лекционный зал № 1, СПбГУП).

философии, означающая в самом общем виде невербализуемые, „атомарные“ составляющие наиболее глубинного слоя всей интенциональной структуры личности,... которые конституируют ее внутренний мир как „уникально-субъективное бытие“. Историческая и логическая контаминация философского понятия ценности и основной категории политэкономии – „стоимость“ (ср. „цена“), с одной стороны, и его близость другим понятиям, маркирующим интенциональность индивида – прежде всего „благо“ и „цель“ – с другой стороны, обуславливает сложность „обособления“ понятия ценности в его историческом развитии»².

В этом определении собраны, можно сказать, спрессованы, характеристики, которые общественное сознание соединяет с понятием ценности. Из него мы узнаем очень важные вещи. Прежде всего, ценности существуют во множественном числе, они «атомарны», это – не луч, пронизывающий темноту, а фейерверк, освещающий небо.

Дальше мы узнаем, что это голос из иррациональных, страстных и скрытых глубин человеческой души. Именно об этом идет речь, когда говорится об интенциональных структурах личности. Они выражают устремленность личности, и не просто устремленность, а основную (и в этом смысле действительно центральную, глубинную) устремленность, выражающую ее уникальное субъективное бытие. В ценностях и через ценности субъект выражает и утверждает самого себя, являет себя тем, кем он на самом деле является или, по крайней мере, хочет явиться.

И самое главное, мы узнаем, что этот голос ждет своего адекватного рационального оформления. Он ищет сознательного (прежде всего вербального) воплощения. Как явствует из определения, ценности тяготеют к понятиям двоякого рода:

а) они склонны соединяться, смешиваться с экономическими понятиями стоимости и цены, и

---

² Шохин В. К. Ценность // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Москва : Мысль, 2010. Т. IV. С. 320–321.

б) близки к нравственным понятиям цели и блага, которые обозначают намерения индивида, его интенциональность.

Давайте попытаемся взглянуть на непонятное, во многом подсознательное, как бы «подземное царство» ценностей и ответить на вопрос, что это такое, отталкиваясь от его рациональных «выплесков» в области экономики и нравственности.

Действительно, русская этимология слова «ценность» восходит к слову «цена» и производным от него: ценный, ценить. В словаре В. Даля цена отсылает к стоимости, оценке, к тому, что действует при продаже и покупке. Она определяется как то, во что товар ценится при продаже и покупке. Многочисленные примеры употребления этого слова связывают его с процессом выбора, взвешивания, с предпочтением того, что ценится выше. Сам выбор при покупке обозначается словом «цененье». В одном случае как бы случайно складывается слово «ценность»: «По ценности книг, не могу запастись ими», оно обозначает слишком большую цену. Обращает на себя внимание тот факт, что в ряде примеров словоупотребления обнаруживается такой взгляд на цену, который словно стремится вырваться за ее понимание как фактора, присутствующего при покупке и продаже, как бы сбросить с нее сдавливающую меркантильную оболочку: «Ценою здоровья не желаю купить себе славы», «нужда цены не знает», «этому человеку здесь цены не знают», «ценить... кого, определять достоинство, нрав, заслуги человека или поступков его»³.

Словом, при работе с понятием цены сам язык обозначает такие ходы, которые выводят за скорлупу экономической скованности. Уместно заметить, что слово «ценность» в других европейских языках – немецком, английском, французском – это то же самое слово, которое обозначает экономическую категорию стоимости. Скажем, закон стоимости Маркса, если бы мы переводили буквально с немецкого оригинала, в русском переводе был бы законом ценности (кстати, некоторые авторы так и делают, создавая содержательную

---

³ Даль В. И. Цена // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Москва : ГИИНС, 1955. Т. 4. С. 578.

неразбериху)⁴. В русском языке счастливым образом эти два понятия и слова разведены и тем самым термин «ценность» оказался защищенным от смешения с экономическим, потребительским измерением, жесткой замкнутости именно на экономику, на потребительство. Об этой внутренней конфронтации понятия ценности со своей этимологической основой (ценой) свидетельствует их привычное сопряжение в нашем гуманитарном лексиконе. Они, как правило, сопрягаются в форме противопоставления: не цена **и** ценность, а цена **или** ценность.

В качестве иллюстрации, даже не иллюстрации, а доказательства, мог бы сослаться на один показательный пример. Некоторое время назад была предпринята попытка навязать нам публичную дискуссию по такому вопросу: стоила ли оборона Ленинграда тех жертв, которые были принесены ради нее. И надо сказать, что она была отвергнута сразу и очень дружно, и на официальном уровне, и на низовом как кощунственная, невозможная и ложная. И мне кажется, этот исторический урок (и сам трагический подвиг обороны, и святость памяти о ней) исключителен для понимания того, что такое ценность.

Конечно, экономическая цена, и ценность пользы, и естественное стремление к пользе – это важные аспекты человеческого существования и его отношения к миру, этого никто не отрицает, да это и невозможно. Но это не раскрывает нам сути самого понятия ценности и ее действительного значения в жизни человека. И если это имеет отношение к цене, и мы хотим подойти к понятию ценности через привычное нам сопоставление с понятием цены, то можно сказать: **ценность есть то, что не имеет цены** (находится за её пределами, то, что выше цены).

Пусть это будет нашим первым ответом на вопрос, что такое ценности. Вы можете сразу спросить, а как же быть с тем фактом, что их много, а раз много, то неизбежно их сопоставление, сравнение, выбор. В рамках данного рассуждения можно ответить: ведь и вещей, которые не имеют цены, тоже много. Но тем не

---

⁴ Васина Л. Л. Возвращаясь к напечатанному: еще раз о терминах «ценность» и «стоимость». URL: <https://marksizm.ucoz.ru/publ/56-1-0-747>.

менее, это законный вопрос, и давайте запомним его также для последующих рассуждений, а пока согласимся, что мир ценностей – это другой мир, другое пространство, в котором нет сопоставлений, взвешивания и оценивания. Кто выше – Пушкин или Лермонтов? Кого ты любишь больше – папу или маму? Что дороже – жизнь или честь? Все ценности равны сами себе или по другому: каждая ценность равна самой себе. Давайте пока зафиксируем эту мысль, обозначив ее содержание как пространство предметов, которые не имеют цены, превышают любую цену.

Хочу в этой связи сослаться на статью, которая затерялась в одном из многочисленных сборников тезисов, и делаю это как приветствие присутствующим сегодня в зале своим коллегам, преподавателям философии и культурологии, знак уважения к их великому, часто не замечаемому труду. Это небольшая статья профессора Вл. А. Лукова под названием «Концепт „ценность“ в свете этимологии». Вот вывод, к которому он приходит: «Тем не менее, можно выделить некий общий смысл, который соединяет исходное понимание ценности в русской культуре, насчитывающее много веков, и все его научные интерпретации, появившиеся в последние десятилетия: ценность – это все то, что дороже денег. Если это вещь, то за нее не жалко отдать запрашиваемые деньги. Если это люди (родители, родственники, друзья, любимые, герои, кумиры и т. д.) или понятия (Родина, свобода, дружба, любовь, молодость, здоровье, искусство, наука и т. д.), то и в этом случае они относятся к ценностям, если воспринимаются как бесценные, то есть более значимые, чем любые деньги. Наконец, если сами деньги воспринимаются как ценность, они тоже становятся бесценными – утрачивают количественную сторону»⁵.

А что же находится выше цены, за этими пределами? Что не имеет цены, является бесценным? Это и есть пространство морали, пространство целей, блага. И тогда мы попадаем в другую область, в которую нас ведет опять-таки сам термин «ценность». Отнесенность к целям – это второй, хотя и не такой явный как предыдущий, аспект этимологии слова «ценность». Ведь цель – это не

---

⁵ Луков М. В. Концепт «ценность» в свете этимологии. URL: <https://textarchive.ru/c-1846811-p6.html>.

только мишень, это еще и целое: «Цель: первоначальное значение слова „мишень, мета“, но уже в начале XVIII века и отвлеченное, переносное значение: предмет стремлений, то, к чему стремятся»⁶. Тем самым мы уже попадаем в область целевой – сознательной – деятельности человека.

Человек – это живое разумное существо. И человеческая деятельность есть сознательная деятельность. Человек тем и выделяется из природы, что для того, чтобы что-то совершить, существовать, быть, чтобы просто жить, он должен запустить механизм сознательного действия. Он должен прежде поставить перед собой цель, к которой будет стремиться, и которая будет руководить всеми его последующими действиями, направляющими к данной цели. Без этого человек просто не может существовать как живое существо.

Цель всегда является благом. Она потому является благом, что человек ее (цель) выбирает и ставит перед собой сам в качестве лучшего, оптимального для себя в соответствующей сфере и ситуации деятельности. Если другие, неразумные живые существа оснащены инстинктивными механизмами, поддерживающими их существование, то человек реализует свое существование через механизм целесообразной деятельности.

Самые общие моральные рамки деятельности человека потому и обозначаются как выбор между добром и злом, что сама эта деятельность в своей целеустремленности всегда осознается действующим субъектом как благо. Человек никогда не выбирает зло. Он не может этого сделать, как говорится, по определению. Механизм целесообразной человеческой деятельности прямо противоположен природному механизму причинности. В природе все связано и устроено так, что одни объекты и состояния порождают другие объекты и состояния, первые являются причинами вторых и предшествуют им, вторые являются их следствиями, следуют за ними. Эта связь объективна.

В случае человека действует обратный механизм. Ведь цель, которую мы ставим и которая определяет наши последующие действия, есть то, к чему мы стремимся, это тот результат, который мы хотим получить. Здесь, если

---

⁶ *Виноградов В. В. Цель // Виноградов В. В. История слов. Москва : 1999. С. 1044.*

рассуждать в логике причинно-следственной связи, следствие предшествует причине и порождает ее. Механизм целесообразной деятельности прямо противоположен природному механизму причинной (каузальной) связи.

Но как такое возможно? Это все равно, как если бы человек ходил вверх ногами? – Это возможно потому и в той мере, в какой человек подбирает и создает средства, которые адекватны поставленной цели и могут привести к ней. Средства же нас привязывают к земле, к фактам, реальным возможностям. Цель деятельности – это ее конечный пункт, средства – способ ее достижения. Цель идеальна, средства реальны. Цель вынесена в будущее, средства находятся в настоящем, они наличествуют или вы знаете, как их создать.

Цель существует только в связи со средствами. Но при этом, разумеется, она никогда не может полностью совпасть со средствами, вместиться в них. Если бы это было не так, то не было бы никакого смысла в самом механизме целесообразной деятельности. Ведь смысл этого механизма именно в том, чтобы пробиться в новую реальность, в будущее, создать нечто другое, более совершенное, чем то, что создала природа, проложить путь в иную точку, чем та, в которой ты находишься.

Ключевым при этом является вопрос о единстве цели и средств. Цель приобретает действенность и становится началом успешной деятельности, соединившись со средствами; через средства она воплощается в реальность. Тем самым судьба цели как цели находится в руках средств. В диалектике целей и средств Гегель решающим звеном считал именно средства, известен его афоризм, что плуг почтеннее, чем наслаждения, которые с его помощью достигаются. В данном случае идеалист Гегель рассуждал вполне материалистически: цели людей оказываются осуществимыми постольку, поскольку они возникают тогда, когда существуют или могут быть созданы условия (средства) для их выполнения.

При таком понимании, однако, теряется сама идея целеполагания, ее сверхприродная специфика. И мы в своем целеполагании уподобляемся фокуснику, вытаскивающему из-за пазухи кролика, которого он заранее там

припрятал. Если же мы здесь имеем другой – именно сверхприродный – механизм, и цели никогда не совпадают со средствами, то ключевой вопрос может состоять в следующем: как цели, оставаясь целями, а не фантазиями и мечтами, могут порождать средства? Как мы через механизм целеполагания (целесообразной деятельности) можем из себя и мира извлечь что-то такое, чего там нет?

Это возможно в двух случаях. Если бы практические возможности человека были такими же безграничными, как безграничны его возможности формулировать эти цели. То есть, если бы сам человек был всемогущим существом и мог бы пересоздать саму природу с такой же свободой, с какой может трансформировать свои желания в цели. Если бы, скажем, человек был таким же всемогущим, как, например, Бог – понятие, которое человек как раз и придумал для такого существа. А вторая возможность была бы только в том случае, если бы у нас существовали такие цели, которые сами содержат в себе свои средства, то есть сами по себе достаточны и для них не нужно никаких других средств, кроме доброй воли того, кто эти цели ставит. И вот здесь мы попадаем в область морали, моральных целей.

Аристотель, впервые выделивший практическую философию наряду и в отличие от познания природы, давший ей название этики и предложивший ее первую (остающуюся до наших дней самой цельной) систематизацию, поместил ее в пространстве целесообразной человеческой деятельности.

Он констатировал: человеческие цели суть блага. Они представляют собой синтез чувств (желаний) и разума – тех чувств, которые ищут осознанного выхода, и указаний разума, чтобы следовать им, подобно тому, как послушный сын следует советам отца, того разума, который рассудителен и обладает знанием того, что связано с поступками, с правильным выбором, и подобен разуму отца, который никогда не пожелает зла своему сыну. «Назначение [человека] выполняется благодаря рассудительности и нравственной добродетели; ведь добродетель делает правильной цель, а рассудительность [делает правильными] средства для ее достижения»⁷.

---

⁷ Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Москва : Мысль, 1984. Т. 4. С. 187.

Мир человеческих поступков, поскольку они являются осознанными добровольными актами, существует в форме целесообразных действий. Как многообразен мир человеческих потребностей, так же многообразен мир человеческих целей. Взаимосвязь мира потребностей обеспечивается единством мира целей, которые связаны между собой таким образом, что то, что является целью в одном отношении, оказывается средством по отношению к другой, более важной цели.

Аристотель приводит такой пример: человек поставил цель овладеть искусством управлять лошадьми, для чего он научился средству – делать уздечки; эта цель в свою очередь становится средством для другой цели – успешно вести войну; а цель, с которой ведется война – это победа...

Возникает вопрос: а где в этой цепочке внутренне связанных переходов от целей к средствам, в этой сложной паутине, окутывающей индивида, некая завершающая точка, которая была бы последней, высшей целью? Необходимость наличия такой итоговой точки является несомненной, ибо без этого не может быть запущен сам механизм человеческого целеполагания. Как логика закона причинности неизбежно при своем последовательном продумывании упирается в вопрос о первой причине, так и логика целесообразности приводит к вопросу о последней цели.

И так как всякая цель – это благо, то последняя цель – это высшее благо. Это такая цель, которая уже не может стать средством. Это такое благо, выше и лучше которого ничего не может быть, и применительно к которому лишается смысла вопрос – а для чего это надо. Аристотель говорит, что люди таким высшим благом считают счастье.

Бессмысленно и глупо ставить вопрос: а для чего человек хочет быть счастливым? Да кажется, не только во времена Аристотеля, но и сегодня никто так вопрос не ставит. Сформулировав саму эту идею, что должна обязательно существовать некая последняя цель, которая уже никогда не может быть низведена до уровня средства, он задается вопросом: а как эта последняя цель, которая присутствует во всей целесообразной деятельности человека, ибо без нее

она бы не могла состояться, как она косвенно соучаствует на всех предыдущих этапах? Аристотель дает такой ответ. Высшая одухотворяющая всю целесообразную человеческую деятельность цель или, что одно и то же, высшее благо присутствует в форме нравственных добродетелей, относительно которых все согласны, что они представляют собой нечто завершенное, самодостаточное.

До нас дошли и сохраняют свою жизненную силу четыре кардинальные добродетели античности, санкционированные философией: умеренность, мужество, справедливость, мудрость. Аристотель дает свой перечень из десяти индивидуальных этических добродетелей, добавляя к ним полисные добродетели справедливости и дружбы. В контексте нашей темы более важны общие опознавательные признаки этических добродетелей: они

а) являются в форме конкретных единичных поступков и

б) заключают свою ценность в себе, которая не опознается и не сводится ни к их предшествующим мотивам, ни к последующим следствиям. Каждая этическая добродетель единственна в своем роде и самоценна.

К примеру, Аристотель свой ряд отдельных добродетелей начинает с мужества, называя его способностью безбоязненно встретить достойную смерть и все, что непосредственно грозит смертью. Выявляя признаки, позволяющие идентифицировать добродетель мужества, он подчеркивает, что нельзя его сводить к смелости, которая также является безбоязненностью, но вызвана теми или иными внешними мотивами – жадой мести, самонадеянностью, неопытностью, стремлением к почестям и т. п. Мужественный поступок – это поступок, который является выражением нравственной стойкости, совершается потому, что быть мужественным – это достойно, прекрасно. Такими же прекрасными в своем роде являются и другие этические добродетели: умеренность – по отношению к телесным удовольствиям и в первую очередь к тем из них, которые являются общими у человека и других животных; щедрость – нравственное совершенство в поступках, касающихся денег и т. д.

Высшее благо обнаруживает себя, соучаствует во всей сознательной человеческой деятельности через добродетельность отдельных поступков,

совершаемых каждым конкретным индивидом. Замкнутость высшего блага, этой итоговой точки, или, если воспользоваться другой метафорой, этой сердцевины всей системы целесообразной человеческой деятельности, на конкретные единичные индивидуальные добродетельные поступки является исключительно важной для понимания феномена ценности.

В той мере, в какой ценности обнаруживают сходство с миром целей и благ, мы можем уподобить их высшей и последней цели, за которой уже ничего нет и не может быть, являющейся уже не целью, которую следует достичь, не началом, требующим средств для новых действий, а их окончательным итогом, делающим бессмысленными (ненужными) всякие действия. И тогда мы можем сказать, что **ценности – это высшие цели деятельности человека, которые, оставаясь целями, являются в то же время его святынями.** И обнаруживают они себя в **добродетельных поступках, которые ценны сами по себе, светят своим собственным светом.**

Но возможны ли такие добродетельные поступки? Ведь нравственная чистота поступка не существует без его чувственного, предметно ограничивающего и в этом смысле всегда меркантильного содержания. Не случайно появилась привычка не прикасаться к священному руками. Кроме того, самоценность нравственных поступков предполагает, что они являются таковыми для всех людей, так как человек разумен не просто как живое существо, но и как существо общественное.

Разум – не только важнейшее организующее начало природной конституции человека, но и средство обеспечения его общественного бытия. Это означает, что общественные формы существования людей становятся ограничениями их нравственных поступков наряду с их природными желаниями. В данном случае уместна аналогия со святынями: святыни для одних являются обычными предметами для других. Самоценность нравственных поступков не поддается рациональному обобщению из-за их единственности. Тем самым оказывалась под вопросом сама идея высшего блага как практически работающего принципа.

Выход из этого затруднения предложил И. Кант в рамках совершенного им коперниканского переворота в философии. В отличие от господствовавшего мнения, согласно которому познание соотнобразуется с предметами, он предложил взгляд, рассматривающий познание как априорную деятельность, независимую от опыта. Человеческое сознание, конечно, всегда начинается с опыта и ограничивается им, но общее и объективное знание мы получаем благодаря доопытным понятиям разума. Только благодаря такому соединению изначальных категорий разума с непосредственным опытом мы познаем мир, отделяем истину от заблуждений.

Но откуда разум берет свои категории, и что он собой представляет в тех чистых безусловных истоках, когда он опирается сам на себя? Поднимаясь по лестнице теоретического разума в стремлении раскрыть единство априорных понятий, разум оказывается в такой точке, когда он выходит за сферу опыта вообще, в том числе возможного. Он попадает в область таких вопросов, от которых, как говорит Кант, не может освободиться, так как они вытекают из его природы, и на которые он не может ответить, так как они превышают его возможности.

Что это за вопросы? Это такие предельные вопросы, которые нас повергают в неразрешимые противоречия, антиномии, и утвердительные ответы на которые столь же обоснованны, как и отрицательные (мир конечен – мир бесконечен; в мире существует свобода – в мире господствует причинность; существует первопричина – не существует первопричины; все состоит из простых частей – не существует ничего простого). Не буду углубляться в их логические дебри, скажу только, что кантовские антиномии связаны с вопросами, в которых зашифрованы живые, возникающие в сознании каждого человека проблемы существования Бога, бессмертия души и свободы воли. Дойти до самих первооснов разума, установить истинность или ложность антиномий мы не можем.

Но тем не менее оказывается, что в рациональном опыте человека существует потребность в безусловных абсолютных истинах. Такова его

потребность найти нечто абсолютное. Об этом свидетельствует факт наличия морали. То, до чего не мог дойти теоретический разум, обнаруживается как факт практического разума и присутствует в сознательной человеческой жизни в качестве долга.

И Кант формулирует безусловный закон разума, который предшествует всем рациональным действиям и лежит в их основе, является последней отправной точкой рационального взгляда на мир. Это его знаменитый нравственный закон, имеющий в человеческом разуме форму категорического императива. Он предписывает человеку действовать по таким максимам (правилам, мотивам), которые могли бы быть требованиями всеобщего законодательства, то есть которым могли бы следовать все люди. И в том случае, когда они могут сделать это, совместить одно с другим, они поступают нравственно.

Категорический императив выступает как долг, как формула долга, того последнего основания, от которого должен отталкиваться и к чему должен примеряться действующий индивид для того, чтобы оказаться в пространстве сознательной разумной деятельности. Нравственный закон есть в то же время закон человечности, одна из его формул предписывает всегда относиться к человеку так же, как к цели, и никогда только как к средству. Понятый таким образом нравственный закон, утверждая достоинство действующего индивида, связывает его в целое со всеми другими людьми.

Здесь возникает вопрос: как он обнаруживается в поступках? Это ведь нравственный закон, не призыв, не обещание, не декларация, а закон, он должен быть включен в реальный процесс жизнедеятельности человека, воплотиться в его действиях. И включен как закон, то есть безусловно. Вообще нравственность – это про поступки человека. Не про намерения, обещания, клятвы и пр. Категорический императив Канта прямо связан с тем, что и как делает человек, с его индивидуальными действиями. Он является условием, которое ограничивает действия человека, обозначает тот предел, своего рода

красную линию, которую он не может (не должен) переступать без того, чтобы не потерять уважение к себе и не уронить своего достоинства.

Если мы рассмотрим реальных людей и те поступки, которые они совершают, то, возможно, мы не найдем ни одного случая, когда бы поступок был совершен ради одного этого закона, ради долга. Люди не могут руководствоваться исключительно нравственными мотивами. Мир человеческих мотивов очень, я бы даже сказал, необъятно богат и разнообразен, он формируется природой человека, его психологией, социальной средой, случайностями биографии, конкретностью ситуаций и т. д.

И если говорить о моральных требованиях, то, когда они выступают как безусловные и абсолютные требования, они приобретают (могут приобретать) действительность только в форме ограничивающих условий, запретов. И единственное, что человек безусловно и гарантированно может сделать, это отказаться от каких-то действий в том случае, если они противоречат нравственному закону. Тем самым категорический императив морали выступает в жизнедеятельности человека как предельная абсолютная линия, обозначающая разумность человека, его достоинство и человечность, как тот критерий, который позволяет ему осуществлять выбор между добром и злом. Он существует в статусе нравственного долга: это значит, что применительно к нему уже лишаются смысла вопросы, почему и откуда он истекает, он сам указывает нам, куда и как нам идти. То, что в этике Аристотеля именовалось высшей, последней целью, в этике Канта называется долгом.

Так мы подошли к еще одной характеристике ценностей: **ценности существуют как долг, они обозначают то, каким действующий индивид должен был бы быть, если бы это зависело только от его доброй воли.**

После Канта ценности становятся особой философской проблемой. Она возникает в связи с потребностью найти им место в рамках целостного взгляда на мир, согласовать с научным подходом к нему. Проблема состоит в следующем: присутствует ли наряду с научным взглядом, который рассматривает существующий мир объективно, таким, каков он есть сам по себе,

также и другой – ценностный – взгляд, который показывает, какова его значимость для человека и каким он должен был бы быть, если смотреть на него разумно и быть достойным этого?

В философии выделился особый раздел со своим предметным полем и методами, изучающий ценности и получивший название аксиологии. Если наука имеет дело с объективным миром фактов и законов, то аксиология – с одухотворенным человеческим миром благ, целей, идеалов.

Вот несколько примеров такого подхода. В. Виндельбанд определял философию как учение об общезначимых ценностях; он ввел различие методов естественных наук и исторических дисциплин, считая, что последние имеют дело не с законами, а с уникальными явлениями. Г. Риккерт продолжил это разделение методов познания, назвав методы наук о природе генерализирующими, а исторический метод – индивидуализирующим; он считал, что философия культуры есть наука о ценностях.

А вот мнение Н. О. Лосского, написавшего книгу «Ценность и бытие. Бог и царство божие как основа ценностей» (1931): «Ценность есть нечто всепроникающее, определяющее смысл и всего мира в целом, и каждой личности, и каждого события, и каждого поступка. Всякое малейшее изменение, вносимое в мир каким бы то ни было деятелем, имеет ценностную сторону и предпринимается не иначе как на основе каких-либо ценностных моментов и ради них. Все сущее или могущее быть и вообще как-либо принадлежать к составу мира таково, что оно не только есть, но еще и содержит в себе оправдание или осуждение своего бытия: обо всем можно сказать, что оно хорошо или дурно, что должно или не должно, следует или не следует, чтобы оно было, что оно существует по праву или против права (не в юридическом смысле этого слова)»⁸.

---

⁸ Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей. Париж, 1931. С. 5.

II

После такого общего обозначения ценностей как философской проблемы, хочу вернуться к той конкретности в обсуждении проблемы ценностей, которая придала ей сегодня особую актуальность, даже сделала вопросом злобы дня, о чем сегодня говорил в своей вступительной речи Александр Сергеевич. Проблема ценностей включена в сегодняшнюю повестку дня идеологической жизни российского государства и общества Указом Президента РФ В. В. Путина № 809 от 9 ноября 2022 года «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей».

Оставляю в стороне юридический аспект данного Указа, одной из нормативно-правовых основ которого явилась обновленная Конституция. Замечу, что в подготовке Конституции, особо важного для страны документа, активную роль играла академик Талия Ярулловна Хабриева, почетный доктор нашего с вами Университета, чьи труды в этих стенах обстоятельно изучаются. Не претендуя на всесторонний анализ Указа в его политических, педагогических и других аспектах, да и не имея возможности осуществить такой анализ, хотел бы, оставаясь в рамках общефилософского подхода, рассмотреть следующие вопросы:

- 1) почему традиционные ценности?
- 2) что это означает?
- 3) каков нравственный статус выделенных ценностей?
- 4) насколько полным является их состав и строгим их порядок?

1. Первая ассоциация, связанная с понятием традиции, традиционности, обращает нас к прошлому. Традиционные ценности – это ценности, которые пришли к нам из прошлого. Мы, получившие этот Указ как документ, не знаем ту конкретику (готовивших его лиц и департаменты, предварявшие его научные доклады, споры, черновые варианты и т. п.), в которой он рождался.

Но если рассмотреть его в свете общих тенденций и особенностей, характеризующих современное развитие и историческую ситуацию российского общества, то данный указ объективно, по своему реальному воздействию на

общественное сознание, является реакцией и ответом на то, что можно назвать забеганием вперед, чрезмерным упованием на будущее.

Мы, как страна, народ, общество и государство за последние 35–40 лет пережили два глубоких духовных кризиса, связанных с крахом своих идеалов и разочарованием в будущем. Во-первых, крах коммунистического идеала, который вместо всеобщего изобилия и братства народов обернулся развалом великого государства. Во-вторых, крах либерального идеала, когда мы вместо свободы и жизненного комфорта на «благостных просторах демократического Запада» оказались на грани вседозволенности и попрошайничества. Эти два последовавших друг за другом и глубоко травмировавших общество падения стали предостережением – не отрываться от земли, истории, прошлого, традиции, от собственных святынь. В этом смысле рассматриваемый Указ вписывается в стратегию российского реализма. Он является предостережением от новой утопии.

Его можно также считать реакцией на новую геополитическую карту мира. Эта карта сегодня характеризуется переходом от однополярного вестернизированного мира к многополярному, от глобализма в мышлении к взаимосвязи, диалогу различных культур. А если это так, то, значит, и культура, и ценности, которые являются сердцевиной культуры, каждый раз имеют свой неповторимый конкретный облик. Подчеркивание традиционного характера ценностей является признанием их национально-исторической культурной укорененности и специфического выражения.

2. Понятие традиционности акцентирует связь ценностей с прошлым. Но равносильно ли это призыву: «Назад в прошлое»? Означает ли, что мы должны лелеять само прошлое из-за того, что оно – прошлое? Считать ли нам своими ценностями все то, что считалось таковым в прошлом? – Как иногда, утрируя понятие традиции, спрашивают: должны ли мы вернуться к домострою? В прошлом были эпохи разных ценностных ориентаций – какие из них отнести к обязывающим традициям? Если у нас на повестке дня традиции, прошлое, то как быть с новациями, с будущим? Эти, хотя и абстрактные, но естественно

возникающие и в рамках дискуссии вполне закономерные вопросы подводят нас к проблеме историчности бытия человека, своеобразию времени как фундаментального измерения человеческой жизни.

Бытие и время – это сложнейшая проблема философии, ее самая труднодоступная глубина. Время связано с движением, выражает его направленность и обнаруживается в человеке благодаря сознанию, которое фиксирует (запечатлевает) свое бытие таким, каким оно существует (как настоящее, «теперь» по Аристотелю), и делит его на «до» и «после», вытягивает его в сплошную линию наподобие летящей стрелы. Человеческая жизнь, как и осознаваемый человеком мир в целом, рассмотренные в аспекте времени, делятся на три части: прошлое – настоящее – будущее (до – теперь – после; было – есть – будет). Разделительной линией является настоящее (теперь, есть): прошлое – все, что было раньше, до; будущее – все, что будет после. Настоящее – это именно точка схождения прошлого с будущим, перехода прошлого в будущее, оно не делит время, а соединяет его, обеспечивает непрерывность, укореняет человека в бытии таким образом, что время проходит через него и само его бытие является длящимся. Это деление времени на три части важно не только для счета, описания способа существования в режиме времени, но и для самого этого способа существования.

Объективное знание как научное знание – это знание того, что есть, то есть знание настоящего. А настоящее в жизни – это не частица времени, а миг, отделяющий прошлое от будущего, как поется в одной популярной песне. Сам этот миг не является особой, пусть нейтральной, буферной зоной, он не имеет своего предметного чувственного воплощения, будучи способом соединения прошлого и будущего, которые суть его реальные части. Его самого по себе как факта, поддающегося измерению, не существует. Ибо любое время «после», каким бы минимальным оно ни было, оно уже начало будущего. И любое время «до», каким бы малым оно ни было, уже принадлежит прошлому, есть его конец.

Настоящее приобретает реальность и научную достоверность только как синтез прошлого с будущим, как соединение первого со вторым, и в этом смысле

прошлое и будущее человека суть части настоящего, два конца этой летящей стрелы. Оказывается (и для понимания традиционности как предмета нашего интереса это самое важное!), что способ интегрированности человека в шкалу времени и способ осмысления его частей является разным – а именно, человек помнит прошлое и может знать его, но он не помнит будущего, не имеет опыта будущего и обращен к нему своими желаниями и устремлениями. Поэтому-то в отличие от других живых существ, способ существования которых в своей основе инстинктивно закреплён, деятельность человека имеет свободно программируемый целесообразный характер.

Из сказанного выше следует: понятие традиционных ценностей как ценностей, идущих из прошлого, нашей истории, опыта предков, можно осмыслить как необходимость опоры на научный подход к изучению и пониманию ценностей, как основу для выработки нравственно адекватной человеческой стратегии будущего, такого будущего, которое явилось бы продолжением нашего, именно нашего прошлого, возможностей и идеалов, опиралось на наши силы и способности, а не на американского дядюшку или небесное чудо.

Как говорил Александр Александрович Зиновьев, нам не надо искать свое счастье на Западе не потому, что он плох, он, может, даже очень хорош, а потому, что это место уже занято. Это не уход от современности, а, наоборот, ее трезвое, реалистичное прочтение. Человек, будь это отдельные личности или коллективные субъекты, не может уйти от своего прошлого, он несет его в себе, он, будучи живым, может только продолжать его, оставаясь ему верным: уважая, возвышая, улучшая, извлекая уроки, очищая, или напротив, изменяя ему: предавая, ломая, искажая, разрушая.

Увы, другого человеку не дано. Он может отказаться от своего прошлого, но этот отказ также будет способом (притом самым худшим и отвратительным) его отношения к нему. Я в детстве поранил ногу. Шрам, оставшийся на теле, с тех пор всегда со мной. Также моя прошлая жизнь запечатлена (в самых

разнообразных формах: явно, громко, скрытно, тихо, прячась, забываясь и так далее, но неистребимо) в моей ментальности.

3. Философский статус традиционных ценностей, выделенных в Указе, определяется тем, что они обозначены как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России». Здесь важны все четыре слова: нравственность, мировоззрение, граждане, Россия. Эти четыре слова (и понятия!) предваряют сам формулируемый в следующем параграфе перечень из 17 конкретных духовно-нравственных ценностей.

Эти ценности не содержат ничего неожиданного, они вполне укладываются в господствующую общую тональность гуманистически ориентированных представлений современных обществ: повседневных нравственных норм, международного права, философских идеалов. Все люди в нормальном здравом уме, если не инфицированы какой-нибудь человеконенавистнической сектантской идеологией, принимают и даже охотно декларируют их. Там нет ни одной ценности, которая не была бы приемлема для всех разумных людей, сформировавших свои общие представления о мире в рамках и на основе культурного богатства, которое выработало человечество в прошлом. А тогда какой же смысл нам специально выделять их и оформлять в виде особого указа?

Я думаю, реальный смысл заключен в том, чтобы воспринять их как нравственные обязанности, прочесть их, примеряя на себя и воспринимая как реальные цели для самих себя. То, что мы подчеркивали в понятии ценностей, а именно, соединение их предельно абстрактного смысла с таким же предельным, но уже точечным смыслом конкретных поступков, можно рассматривать как методологический подход к традиционным ценностям. Они традиционны в той мере, в какой каждый из нас, каждый гражданин России культивирует их в своих поступках. Если они суть нравственные принципы, то ответом на них могут быть только персональные поступки. Именно поступки, ибо нравственность начинается там, когда говорят не слова, а дела.

Что касается публичных властей, то их задача способствовать, помогать этому. Александр Сергеевич говорит, что он не может издать приказ о том, чтобы следовали этим ценностям. Разумеется, нет: это, скажу мягко, было бы излишне. К тому же такой приказ уже издан, он называется Указ № 809. Но, тем не менее, все ректорские приказы и распоряжения, другие публичные мероприятия, взаимоотношения в коллективе, словом, вся атмосфера Университета вполне могли бы быть рассмотрены под углом зрения следования традиционным ценностям.

4. Наконец, последний вопрос: насколько полным является состав традиционных ценностей и строгим их порядок? Что касается полноты состава, их, наверное, могло быть и больше, и меньше. Не знаю возможно ли и целесообразно ли ставить задачу исчерпывающе охватить традиционные ценности. Важно, что предложенный набор из семнадцати традиционных ценностей имеет свои богатые и яркие образцы воплощения в отечественной культуре и охватывают разные и, несомненно, важные стороны жизни человека и общества.

Ценности – это открытая система, и даже вершинные среди них, такие как добро, истина, красота, свобода, равенство, братство, постоянно изменяются и конкретизируются. Даже то, что некоторые из них здесь не представлены, не меняет общей картины. Мы понимаем, что они вполне могли бы быть. Здесь важен общий дух, направленность Указа о традиционных ценностях.

Сказанное относится также к вопросу об их порядке. Здесь вряд ли стоит выстраивать жесткую конструкцию и иерархическую систему, как это делали отдельные философы. Я бы даже допустил, что здесь возможны разные системы в зависимости от субъектов, форм деятельности, конкретных обстоятельств.

Указ также порожден современной исторической ситуацией, которая обязывает рассматривать традиционные ценности под углом зрения национальной безопасности, видеть в них нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, укрепление единства страны и сплочения народа.

Говоря о возможном порядке (строе) ценностей, я бы обратил внимание на то, что он начинается с жизни и кончается единством народов России. Ценности – это высшее выражение разумности, разумного устройства жизни, а разум присущ человеку как живому существу, он вторичен по отношению к жизни. Отсюда: ценность жизни имеет абсолютный характер и является базовой по отношению ко всем другим ценностям. Хотелось бы думать, что она не случайно отнесена к традиционным ценностям и стоит на первом месте.

Завершается состав традиционных ценностей единством народов России: так протягивается нить от жизни, живого индивида к многонациональной России.

Наличие ценностей, стремление следовать им – основа пассионарности, в той или иной мере присущая каждому человеку. Ценности представляют собой подлинную истину жизни. Они являются проявлением внутренней страсти человека, зовом его души – с одной стороны. И с другой – проявлением рационального, осмысленного начала, порождением разума человека, результатом его самосознания. И когда одно переходит в другое, стремление становится осмысленным, а разум - стремящимся, жизнь обретает человеческую полноту, наполняется высоким смыслом: единичное соединяется с общим, жизнь индивида -- с жизнью страны и народа.